

УРОКИ ДОБРОТЫ

22 МАЯ 1980

Г. Кривоносов

ЭТО МОЯ третья встреча с Хабаровским театром юного зрителя. Понятно, с каким любопытством, с каким живым интересом шла я на спектакли.

Сразу скажу: просмотр не погасил интереса. Уважения заслуживает уже сама гастрольная афиша, где Шекспир, Мольер, Гоголь соседствуют со Шварцем и Распутиным, пьеса молодого советского драматурга Яковлева перекликается с американской — Базра. Все выбранные произведения обязывают к серьезному разговору на нестарые темы нравственности и человечности. Театр, возглавляемый выпускником ГИТИСа Станиславом Таюшевым, ищет свои пути, свою манеру общения со зрителем.

Похоже, что главному режиссеру близка драматургия Евгения Шварца. Театр привез три спектакля «загадочного» сказочника: «Дракон», «Тень» и «Два клена». Два первые поставлены С. Таюшевым.

Замечательная фантастическая комедия «Дракон» очень мало ставилась на советской сцене.

Фантазия постановщика не была связана традициями, и он выстроил мир драконова царства, как представил его себе — глухим, пустынным, охватив пространство зрительного зала и замкнув его марширующими по всем проходам стражниками Дракона под барабанный бой, с криками «Слава Дракону! Слава Дракону!» Не сразу появившиеся на сцене обыватели — молчаливый, тихий архивариус Шарлемань (Я. Клид) и кроткая, покорная дочь его Эльза (А. Волжина) — так привыкли к грохочущему барабану и к яростным крикам, что принимали их за тишину и покой. Как нормальный порядок вещей представлялись им и рабство, и даже смерть ради Дракона. Словно через ватную пелену, пробивались к ним тревожные вопросы честного и храброго рыцаря Ланцелота (В. Ангарский), пришедшего освободить их, сделать их счастливыми.

Вольготно расположились в этом мире Дракон, тиран в трех обликах (Н. Куделькин, П. Теряев, В. Кириллов), и его приближенные — юродствующий Бургомистр, давно забывший, что такое правда (Г. Храпунков), сын его Генрих, ханжа, доносчик и предатель (В. Домбровский). Впрочем, и им мешают чувствовать себя вольно взаимная боязнь и ненависть, постоянная необходимость притворяться. Естественная прямота и свобода тут присущи только Кату (В. Годованец), хотя и ему, чтобы выжить и победить, приходится быть хитрецом.

При четкой организации борьбы различных сил, при умении убедительно подчеркнуть основные мысли произведения в их философской обобщенности бутафорски наивными выглядят такие детали оформления, как висащие над сценой флажки и мягкие шары — драконьи головы (художник С. Бенедиктов). Более соответствуют художественному уровню постановки костюмы: платенные одеяния-сети на горожанах при власти Дракона

и «непорочная» белизна униформы так называемого вольного города, где вместе с Президентом правил его любимец Тюремщик. В спектакле «Дракон» органически сочетаются сатирические и романтические краски. В финале явственно звучит шварцевская грусть. До счастливого конца еще далеко: впереди Ланцелоту предстоит самая сложная работа — убить Дракона в каждой человеческой душе.

По двум спектаклям — «Дракон» и «Тень» — можно судить о мере постижения театром непростой драматургии Шварца. Театр верно схватывает и передает важный мотив ответственности каждого человека за «неверное сложение жизни». Нельзя поддаваться мистификации, угнетению, нельзя терять самого себя. И все-таки в спектаклях упускается многозначность характеров и образов. Односложен Доктор (В. Ангарский), человек, который «махнул на все рукой» и стал подлецом. А ведь ему было что терять. А чудо любви, что преобразило Эльзу? Это преобразование, бунт, раскрепощение натуры еще не удалось проследить актрисе и режиссеру. Не показано и причудливое переплетение естественного и ложного в характерах подруг Эльзы — они прямолинейны и чересчур крикливы. В большой степени ускользает в спектаклях напряженный лиризм Шварца, его «голос», своеобразие его юмора. Это и не удивительно. Театр Шварца вообще только начинается. И для молодого коллектива это щедрый родник поисков и открытий.

Любопытно решена гоголевская «Женитьба». Здесь сквозной становится тема протеста против подавленности, захабаленности рутинной, гнетом бюрократической машины.

«Живешь, живешь, да такая, наконец, скверность...» Этой репликой Подколесина начинается спектакль. И потом какой ужас и тоска звучат в его общении, что он «вот так, каждый день» ходит в департамент. Подколесин в исполнении В. Кириллова — мечтатель. В женитьбе он видит выход в иную, светлую жизнь. Он весь озаряется, расцветает, когда рисует себе перспективы этой жизни. А как он воодушевляется, поверив, что это он сам решил жениться, ощутив теплоту дружеской мягкой руки невесты, услышав, будто какие-то струны душевного родства зазвучали. А впрочем, разве сам? И будет ли счастье в женитьбе? Куда это так толкает его Кочкарев? Может быть, опять в неволю? И ведь на всю жизнь. Потом куда не уйдешь. Только сейчас, и то единственный путь — в окно. Вот ям и нерешительный Подколесин: в один миг решился и выпрыгнул.

А все Кочкарев. Он в исполнении Я. Клида особенный, непривычный. Нет, тут он не просто затейник, заводила. И руководит им не только жажда деятельности, выхода энергии. А бешеный азарт насильника и самодура. Настоять на своем, сметая все преграды. От препятствий он прямо стервенеет. Недаром он дважды бук-

вально швыряет на пол более настойчивого, чем другие претенденты, Жевакина. А Жевакин в спектакле не только и не столько развязен, сколько трогательно доброжелателен. Трагического звучания достигает артист Г. Храпунков в сцене отчаяния незадачливого жениха. Агафья его пожалела, подняла с колен, и все же — отказ. За что, почему же? — восклицает бедняга, и слезы текут по лицу, и гнет его снова к земле.

Высокая, темноглазая Агафья Тихоновна В. Таюшевой — несмелая и неумная, и, действительно, страшно застенчивая. Но разве не имеет она права на свое женское счастье? Актриса передает робость невесты, чистоту надежд и нерастраченность чувства.

Режиссер С. Таюшев нашел интересную форму спектакля. На сцене ничего нет, кроме стульев. Но на них не только садятся. Ими играют. Их расставляют, точно карты в пасьянсе, из них, точно дети из кубиков, выстраивают воображаемую жизнь — каждый свое. И наглядной становится в спектакле хабаровчан тщетность мечты, несостоятельность намерений, неосуществимость замыслов...

БЕРЕТ за душу спектакль «Последний срок» В. Распутина. В роли умирающей старухи Анны актриса Е. Кириенко создает характер русский, народный, излучающий душевную красоту. В нем — поэзия жизни и щедрость доброты. И в свои предсмертные часы Анна печется о других: о детях, о внуках, о Миронихе, с которой дружила всю жизнь, и вот теперь оставит одну, вот эту Мирониху, такую смешную и трогательную в исполнении Т. Крапивиной.

Худенькая, легкая, почти бесплотная Анна пересилила себя, отодвинула смерть, чтобы дожидаться младшую дочь Танчору, чтобы собрать вокруг всех детей и примирить их, объединить между собой. Но дети чужие друг другу и ей чужие. Их вражда убивает душу матери, лишает ее спокойного и светлого конца. Покинутая детьми, умирает Анна в одиночестве и тоске. Простоту, мудрость, доброту, бескомпромиссность и такой неожиданный юмор «старинной старухи» передает Е. Кириенко строгими, скупыми средствами.

Жизненно достоверен в спектакле Михаил (Г. Григорьев), которого обвинили во всех смертных грехах, но который на поверку оказался человечнее остальных. Правдива В. Таюшева в роли «самой городской» Люси, сухой, черствой и такой «правильной»... на словах. К сожалению, артисты Г. Храпунков (Степан) и В. Кириллов (Илья) в сцене в бане разыгрывают актерские этюды, несовместимые с чистой и жестокой правдой этого спектакля. Тут бы и режиссеру (С. Таюшев) надо быть строже.

Кроме названных актеров, хочется отметить самых молодых: несомненно способную А. Зимину (Аннунциата в «Тени» и Наталья в «Однажды субботним вечером») и искреннего Ю. Юрченко (Валет — «Однажды субботним вечером»).

Интересный театр. Профессиональная труппа. Остается пожелать коллективу более разнообразной программы, включающей в себя и более радостное отношение к жизни, и героические примеры. «Молодость всегда обращена в будущее», — говорил Л. Толстой. А разве залог будущего не в сегодняшней вере в творческую основу жизни, в победу светлых и высоких идеалов?

Милица КОН.